
ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Щенникова Н. В.*

На основе анализа логики новой парадигмы коммуникативно-практической деятельности в мировом сообществе рассмотрен вопрос о языковой составляющей процесса глобализации. Показана полярность суждений относительно положения и статуса английского языка в контексте современных процессов глобализации и интеграции; дан анализ концепции International English; сделан прогноз о возможном сценарии изменения функциональной значимости и структурных характеристик английского как глобального языка.

Ключевые слова: глобализация, глобальная коммуникация, языковая составляющая процесса глобализации, английский язык, международный английский язык.

The issue of global world language is considered in the framework of a new paradigm of communication and practical activity. The polarity of views on the English language status in the present-day world is highlighted and the concept of International English is analyzed. The prognosis is made about the possible vector of functional and structural development of English as Lingua Globalis.

Keywords: globalization, global communication, language constituent of globalization, English, International English.

На протяжении своей истории человеческая цивилизация испытывает необходимость во вспомогательных языках как особых знаковых системах различного генеза для осуществления коммуникации в таких условиях, когда употребление этнических языков является невозможным, нецелесообразным, неадекватным или недостаточным. Несмотря на потребность в общем языке как универсальном адаптивно-адаптирующем механизме, его появление видится как весьма далекая перспектива языкового развития человечества. Гипотетически существуют внутриязыковые механизмы и этнические, психологические, социальные, биологические, культурные факторы, которые препятствуют появлению общего языка как универсального наднационального семиотического кода или сдерживают его. В нашем исследовании мы ставим задачу определить эти причины и спрогнозировать наиболее вероятное средство международного общения для современного цивилизованного сообщества.

Ведущим процессом современности является глобализация, создается архитектура нового мира. Значительная часть мирового населения вовлечена в новую информационную реальность, соединившую и скрепившую воедино отдельные регионы планеты. В результате формирующейся глобальной информационной среды мир становится беспрецедентно коммуникационно тесным, прозрачным,

* Щенникова Наталья Владимировна – к. филол. н., доцент Пензенского государственного университета. E-mail: schennikova@list.ru.

доступным. Ученые говорят о коммуникационном сближении, информационной открытости мира, интернациональном образовании. Современные процессы информатизации, распространение телекоммуникационных и компьютерных технологий во всех областях жизни человека, интеграционные процессы в политико-экономической сфере дают возможность говорить о создании коллективного интеллекта человечества для управления мировыми процессами и решения мировых проблем на основе общих интересов выживания и развития цивилизации. Это с неизбежностью ведет к накоплению предпосылок для содержательно-ценностных изменений внутри культур и, возможно, к переоценке таких устоявшихся понятий, как «родина», «нация», «страна», «культура», «иностранный язык», «самобытность», «идентичность».

Проблемы коммуникации, и в частности международной, входят в число постоянных объектов исследования гуманитарных наук, а на современном этапе проблемы изучения коммуникативных процессов и транскультурных контактов в едином культурно-прагматическом пространстве принадлежат к списку актуальных глобальных проблем человечества.

В настоящее время наиболее вероятным ученые считают еще более широкое распространение в международном общении естественного языка – английского, который уже признается «универсальным языком общения нашего времени» [Сардар, Дэвис 2003: 138]. Эта точка зрения основывается на широкой фактологической базе, учитывает логику современных социальных, политических, экономических, культурных процессов, протекающих в мировом сообществе.

Стоит отметить, что хотя экстралингвистические (исторические, политические, экономические, информационные, культурные) факторы придали английскому языку существующий ныне статус, лингвистические факторы существенным образом способствовали этому и ныне влияют на укрепление его позиции.

Во-первых, английский язык является языком германской группы, испытавшим влияние романских языков. Этот факт позволяет носителям языков многочисленных германской и романской групп находить много сходных черт в английском и своем родном языке и осваивать его без особых трудностей.

Во-вторых, английский язык использует латинскую систему письменности, которая является самой употребительной в мире.

В-третьих, английский является языком высокоразвитых во всех отношениях наций Северной Америки, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, следовательно, эта языковая система способна адекватно обслуживать интересы современной цивилизации и новой миросистемы.

В-четвертых, в силу исторических факторов английский язык оказался имплантированным в многочисленные социокультурные контексты бывших колоний Великобритании. В результате процесса нативизации произошла аккультурация английского языка или его адаптирование к обслуживанию новых коммуникативно-когнитивных пространств с уникальным набором внутренних социальных, культурных, исторических, этнических характеристик. Появившиеся кодифицированные модификации английского языка – *New Englishes* – функционируют в качестве официальных языков этих стран (Бангладеш, Кения, Пакистан, Южная Африка, Замбия, Гана, Малайзия, Филиппины, Шри-Ланка, Зимбабве, Индия, Нигерия, Сингапур, Танзания), выполняют широкий спектр функций в контекстах официального и неофициального регистров общения, обнаруживают

культурные и лингвистические своеобразные черты, являются средством выражения самобытных этнических культур. Это свидетельствует в пользу того, что активно английский язык давно не является моноцентричным. Он приобрел статус плюрицентричного языка, поскольку обслуживает многие культуры и многие этносы в качестве первого и второго официального языка. В целом, по мнению Д. Кристалла, в качестве родного или основного английским языком пользуются 337 млн человек; в дополнение к родному языку и в качестве второго – 235 млн человек. Итоговый статистический подсчет дает следующие цифры: 670 миллионов человек, владеющих английским языком как родным или близко к этому, и 1,2–1,5 млрд человек, имеющих некоторую компетенцию в английском языке [Кристалл 2001: 92–105].

В научной среде популярна идея выработки взаимопонятного общего кода мирового общения и превращение английского языка в лингва франка современности (в широком толковании этого термина). Российские ученые подключились к обсуждению этого вопроса намного позже из-за политических и экономических изменений в обществе 1980–1990-х гг. «Настоящим прорывом для российских лингвистов стала международная конференция “Глобальный английский для глобального взаимопонимания”, состоявшаяся в мае 2001 г. в Московском государственном университете. На конференции, собравшей более 400 преподавателей и исследователей со всего мира, обсуждались такие важные вопросы, как World Englishes, взаимодействие культур и глобальное взаимопонимание, содержание и программа курса межкультурной коммуникации, повышение кросс-культурной осведомленности, культурные аспекты изучения языка и многие другие... Потребовалось почти 10 лет для того, чтобы российских лингвистов начали воспринимать как полноправных участников дискуссий о новых концепциях изучения английского языка» [Lazaretnaya 2013: 35–36]. В свет вышли работы З. Прошиной [Proshina 2008], И. Устиновой [Ustinova 2005; 2011], О. Лазаретной [Lazaretnaya 2013], С. Тер-Минасовой [Ter-Minasova 2005], О. Леонтович [Leontovich 2005] и др. Ряд отечественных и зарубежных ученых считает, что английский язык в упрощенном стандартизированном своем варианте сможет выполнять функции языка-посредника для межнационального общения. В ряде работ последних лет лингвисты констатируют, что если раньше английский изучался иностранными учащимися для общения с носителями языка, то сейчас большая часть интересующихся контактами в поликультурном контексте осуществляется между носителями английского языка. «Сейчас считается неоспоримым тот факт, что преобладающее и неуклонно растущее число англоязычных контактов в различных сферах жизни, таких как деловые встречи, политические и экономические переговоры, личные контакты, научные конференции и исследования, совершаются между носителями языка, которые тем самым участвуют в его развитии, подстраивая его под свои социокультурные потребности» [Lazaretnaya 2013: 202]. «Английский не просто распространяется, а распространяется посредством удовлетворения интересов носителей языка» [Fishman 1992: 19]. Отсюда делаются неправомерные, с нашей точки зрения, выводы о назревшей необходимости модификации аутентичного (американского или британского) английского языка с целью более легкого его освоения иностранными учащимися и смены дидактических парадигм в неанглоязычных странах, об отсутствии необходимости ориентироваться на нормы этнического языка и культуры его носителей в академическом

процессе. Предлагается упростить языковую систему, преподаваемую иностранным учащимся, определив для этого приоритетное ядро или основу под ярлыком International English и преподавать его носителям английского языка в качестве лингва франка [McKay 2003; Nunn 2005].

Последовали попытки обеспечить общий стандарт International English для взаимопонятного непроблемного общения в актах межкультурной коммуникации. Проект упрощения морфологии и синтаксиса Р. Кверка (Nuclear English) [Quirk 1982], Б. Зейдлхофер VOICE (Vienna-Oxford International Corpus of English) [Seidlhofer 2004], проект упрощенного международного произношения Гимсона (Rudimentary International Pronunciation), проект Д. Дженкинс общего ядра произношения (pronunciation common core) [Jenkins 2000], проект А. Мауранен ELFA (Corpus of English as a Lingua Franca in Academic Settings) [Mauranen 2003], проект А. Джеймса AAC (Alpine Adriatic Corpus) [James 2000], проект С. Гринбаума и Д. Нельсона ICE (International Corpus of English) [Greenbaum, Nelson 1996], проект Д. Кристала WSSE (World Standard Spoken English) [Crystal 1997], проект Ж.-П. Нерьера Globish [Nerriere *et al.* 2005], «Международный английский»/«International English» [Stevens 2006; McKay 2003], «Английский как средство межкультурного общения»/«English as a medium of intercultural communication» [Meierkord 1996], «Английский как лингва франка»/«English as a lingua franca» [Gnutzmann 2000]. Подобные проекты являются попытками целевой разработки нового лингвистического проекта, регламентирующего целенаправленное воздействие человека в виде декретивного языкового нормотворчества и искусственной (насильственной) кодификации норм.

Мы считаем, что это тупиковый путь, и такие способы упрощения и стандартизации языковой системы имеют тот же серьезный недостаток, что и искусственно созданные лингвопроекты (волапук, интерлингва, идо, эсперанто и др.), а именно: прескриптивный характер предлагаемых нововведений (сверху вниз), игнорирование логики естественного развития и функционирования языка в различных социокультурных и социолингвистических контекстах, отсутствие механизма расширения арсенала языковых средств для объективации новых познавательных задач, творческой интерпретации меняющейся внеязыковой действительности, фиксации приобретаемого опыта интеллектуально-эмоционального освоения действительности. Более того, мы убеждены, что общение на основе такой системы будет функционально ограниченным, и концепция International English может стать синонимом ограниченной (в крайних случаях искаженной) лингвистической компетенции. Подобные опасения высказывали Р. Нанн и А. Акар, подчеркивая, что формирование лингвистической компетенции занимало второстепенное положение в эру коммуникативной компетенции, а в рамках концепции упрощенного на всех уровнях International English формирование лингвистической компетенции получит еще меньшее внимание: «...существует большая вероятность еще более выраженного пренебрежительного отношения к лингвистической компетенции в сфере International English» [Nunn 2005: 72].

Далее, в проектах International English недооцениваются типологические различия родных языков учащихся при выработке так называемого упрощенного общего кода: типологические различия языков мира исключают такую возмож-

ность. То, что видится простым носителю русского языка в системе английского языка, реформируемой для нужд кросс-культурной коммуникации, может оказаться так называемой вещью в себе, например, для корейцев, вьетнамцев, японцев. Следовательно, подбор тех или иных структурных характеристик International English неизбежно будет искусственным, произвольным, в некотором роде насильственным ввиду невозможности учета структурно-типологических характеристик всех языков мира, носители которых используют английский язык в обществено-языковой практике в качестве средства международного общения.

По замыслу сторонников этой концепции, искусственная по своей природе модель английского для неносителей языка имманентно призвана стать принадлежностью всех народов. В этом мы видим уязвимость данной концепции: если у языка нет конкретного носителя, следовательно, нет механизмов для кодификации нововведений и изменений, нет потенциала для развития в логике формирования новых когнитивно-коммуникативных потребностей общества. Мы ставим следующие вопросы: чье языковое сознание, чью идеологию, миропонимание, мировидение будет отражать International English? Чьи инструменты концептообразования будут формировать концептуальную сеть International English? Информационное обеспечение чьей культуры будет осуществлять International English? Чьим механизмом адаптации к действительности он будет? Сторонники концепции говорят, что активным субъектом International English будет являться носитель любого этнического языка, прибегающего к общему вербально-семантическому коду при межсубъектных межкультурных контактах. Мы убеждены, что, являясь носителем определенного этнокультурного и этноязыкового информационного архива, индивид будет проявлять свою этническую, культурную, языковую, религиозную идентичность, вступая в интересубъектные контакты средствами International English. И наоборот, невозможно денационализировать и нейтрализовать языковую систему, в названии которой все же остается номинатор «English»; невозможно элиминировать весь этноинформационный архив (так называемую «английскость»/Englishness) в International English.

В своих утверждениях мы опираемся на каноны традиционной лингвистики, согласно которым понятие языка непосредственно связано с понятием носителя и творца языка, языкового коллектива, с понятиями генетической принадлежности и исконности. Генетическая принадлежность и обязательное наличие коллектива носителей языка являются основополагающими критериями в сборе эмпирического материала о языке и его последующего лингвистического анализа, на основе которого получают сведения об аутентичности языка [Coulmas 1981: 77]. В силу этого мы видим серьезную проблему в концепции International English: он не связан с понятием носителя языка, позиционируется как нейтральный код и призван предоставить концептуальную систему единого коммуникативно-когнитивного пространства для любого индивида, принадлежащего любой нации. По нашему убеждению, невозможно создать универсальный семиотический код, который полностью удовлетворял бы коммуникативным требованиям представителей всех лингвокультурных социумов, мог бы адекватно преломить все национальные картины мира и гарантировать беспроблемное общение. Эта задача сродни задаче о квадратуре круга.

Основополагающей миссией International English считается выработка такой формы английского языка, которая понятна для говорящих на всех его вариантах и изучающих его в качестве иностранного языка, и именно эту форму следует преподавать студентам из неанглоязычных стран. Предложенное решение могло бы показаться идеальным, если бы было известно, как осуществить его на практике. Для того чтобы преподавать International English, требуется всеобщее признание и одобрение этой модифицированной формы языка, работа по кодификации его норм. Это может гипотетически осуществиться в будущем, но в настоящее время не представляется возможным. Если же учителя начнут преподавать то, что они считают International English, это обязательно приведет к неудаче – *so many men, so many minds*. Поэтому практическое преподавание International English вынужденно откладывается.

На настоящий момент International English не кодифицирован в справочных и дидактических материалах и не существует в учебных программах, ученые не имеют непротиворечивых данных по поводу того, какие черты аутентичного английского языка должны составить концепцию International English. Сторонники этого подхода призывают вести обширные сравнительно-описательные исследования для последующей кодификации выявленных общих черт освоения английского языка носителями различных этнических языков. Для этого ставится ряд вопросов, на которые необходимо ответить: какие грамматические конструкции и лексические единицы выбираются с наибольшей частотностью? Какие факторы обеспечивают наиболее непроблемное общение? Какие факторы, наоборот, приводят к непониманию и коммуникативным сбоям? Пропорциональна ли степень владения английским языком успешности общения? Существуют ли грамматические конструкции, лексические единицы и фонетические явления в речи носителей языка, являющиеся нарушениями с точки зрения норм этнического английского языка, но регулярно употребляющиеся в общении между носителями языка? Можно ли упростить на основе полученных данных систему этнического английского языка и кодифицировать системные черты нового кода International English?

С одной стороны, мы считаем, что нельзя сбрасывать со счетов проведенную научную работу по разработке концепции International English, явившейся результатом работы авторитетных ученых разных стран. Она основывается на широкой фактологической базе и научной рефлексии и учитывает логику современных социальных, политических, экономических, культурных, информационных процессов, протекающих в современной миросистеме. С другой стороны, мы убеждены, что лингвистике не стоит вмешиваться в естественный процесс развития языка. Задача лингвистов, с нашей точки зрения, состоит в описании, толковании, прогнозировании естественных языковых явлений и процессов, но не в разработке искусственных по своей природе семиотических систем, их кодификации, декретивном введении в мировую практику языковой подготовки и, как следствие, модифицировании естественного языкового континуума. Мы считаем неадекватным путь выработки универсального общечеловеческого вербально-семантического кода International English путем индивидуальных или коллективных усилий ученых. Существует альтернативный путь (и мы являемся его сторонниками) – продолжать рассматривать престижный образовательный стандарт (Standard English) в качестве педагогического стандарта преподавания английского языка для нужд

кросс-культурной коммуникации в странах, в которых английский имеет статус иностранного языка. Мы не видим объективных предпосылок и настоятельной необходимости в пересмотре существующих моонормативных стандартов языкового образования в странах «расширяющегося круга», в том числе в Российской Федерации. Наша позиция основана на следующих аргументах:

1. До настоящего времени традиционными ориентирами в преподавании английского языка иностранным учащимся были кодифицированные нормы образовательного стандарта: произносительный стандарт южного британского английского и лексико-грамматическая система британского английского. Эти нормы понятны носителям всех вариантов английского языка, они регулярно реализуются в средствах массовой информации (печатных, электронных, радио- и телевизионных СМИ), составляют основу дидактических материалов, широко доступных и постоянно обновляемых усилиями таких авторитетных издательств, как Longman, MacMillan, Cambridge University Press, Oxford University Press. Независимо от того, является ли индивид носителем английского языка, является ли для него английский язык первым, вторым или иностранным, его языковая компетенция неизменно основывается на стандарте английской грамматики и частотной лексики. Освоение единой системы стандартного английского языка на уровнях *Intermediate*, *Upper-Intermediate* и *Advanced* гарантировала и гарантирует общность основного когнитивно-коммуникативного кода для неанглоязычных наций. Пока у носителей разных этнических языков один и тот же ориентир в преподавании и освоении английского языка, его и следует рассматривать как общий код. Стандартные каноны языковой подготовки на указанных уровнях, реализуемые в качестве стандартной педагогической модели иноязычного образования стран «расширяющегося круга», рассматриваются нами как общий код разноязычных индивидов, и в этом смысле уже являются *International English*.

2. Англоязычное общение между неносителями языка отличается неконфликтностью, более высокой степенью взаимопонятного общения, готовностью к коммуникативному сотрудничеству, высокой степенью аккомодационных усилий субъектов коммуникации в кросс-культурном пространстве. Этот факт, неоднократно приводимый в лингвистической и научно-популярной литературе [Firth 1996; House 2002; Meierkord 1996], говорит о том, что действующие стандарты языковой подготовки уже выполняют свою функцию – служить средством взаимопонятного межкультурного общения даже в условиях языковой вариативности английского языка ввиду его глобальной диффузии в типологически разные социолингвистические и социокультурные контексты. Миллионы людей с адекватным уровнем мотивации во всем мире успешно осваивают английский язык без применения искусственных моделей, выработанных специально для неносителей английского языка. Поэтому мы не являемся сторонниками современного движения по искусственной выработке универсального кода *International English*.

3. Использование английского языка как орудия создания единого коммуникативного пространства для носителей и неносителей английского языка, как языка международных контактов является неоспоримым достижением для международной политики, бизнеса, средств массовой информации, культуры, образования. Многие носители английского языка воспринимают английский в логике современного этапа всемирно-исторического процесса как универсальное и надэтническое орудие единой цивилизованной семьи, как некое отдельное явление,

отличное от английского в качестве их родного языка. Это значит, что при контактах с иностранцами носители этнического английского языка интуитивно или целенаправленно избегают употребления регионально и локально маркированных слов, идиом, выражений, отражающих верования, убеждения, ценности отдельных обществ, сложных грамматических конструкций и специфических оборотов, которые могут быть сложны для восприятия и непонятны. Осознание современных тенденций носителями языка важно не только для того, чтобы лучше понимать, что говорят люди в разных частях мира (восприятие речи), но и чтобы эффективно общаться на международных форумах, где употребление ими американских, британских, канадских, австралийских коллоквиализмов и других регионально маркированных элементов языка может быть неуместным (речепроизводство). Прогрессивно мыслящие люди считают, что императивным требованием постмодернистского времени является создание новых правил международного поведения на принципах многополюсности и взаимодействия сегментов мирового космополиса, которые были бы приняты подавляющим большинством стран. Можно констатировать, что современное отношение цивилизованного мира к английскому языку становится более гибким, многоканальным, полимодельным, привлекает во внимание разнообразие культур того множества людей во всем мире, которое говорит на английском в качестве первого/второго/иностранного языка. Можно также констатировать, что английский язык как средство, обслуживающее кросс-культурное пространство, стихийно (без вмешательства искусственных факторов) подстраивается под современную геополитическую ситуацию, затребовавшую новый миросистемный принцип единства в многообразии. Стихийно происходящая процедура селективного отбора языкового материала аутентичного английского языка для обслуживания прагматических целеустановок кросс-культурной коммуникации способствует созданию коммуникативной модели глобального англоязычного общения. Далее, человеческая цивилизация начала рассматривать английский язык с позиции деидеологизированной рациональности и прагматической оправданности, тогда как искусственная мировая языковая унификация под эгидой International English может привести к глубинным конфликтам из-за имплицитно несовпадающих морально-этических ориентиров и этнокультурных ценностей, что, в свою очередь, может привести к этноцивилизованному сопротивлению.

4. Для научной рефлексии по вопросу пересмотра стандартов языкового образования в странах «расширяющегося круга» и разработки International English считаем важным обратиться к модели распространения английского языка по миру Б. Качру. Принципиальным моментом в этой классификации считаем вопрос об отношении к норме и статус нормы. Отношение к норме стран «внутреннего круга» описывается как создающее и формирующее норму (norm-providing), стран «внешнего круга» – как развивающее норму (norm-developing), стран «расширяющегося круга» – как зависимое от нормы (norm-dependent). Варианты английского языка в странах «внешнего круга» в силу экстралингвистических причин имеют и развивают собственную норму английского языка в качестве массового инструмента живого языкового общения, следовательно, они, несомненно, имеют право на кодификацию собственных норм: в новых социокультурных контекстах аккультурация и адаптация английского языка неизбежна, является объективным результатом естественных социолингвистических процессов. В этих

условиях было бы неадекватным выдвигать требование соблюдать мононормативные педагогические стандарты стран «внутреннего круга». Напротив, в странах «расширяющегося круга» отсутствуют объективные предпосылки для развития собственных внутренних норм функционирования английского языка, следовательно, мононормативный ориентир на внешние педагогические модели стран «внутреннего круга» является обоснованным и логичным следствием. Если преподавать и учить английский язык в странах «расширяющегося круга», то это должен быть, с нашей точки зрения, этнический английский язык, а не какая-либо рафинированная, упрощенная, нейтрализованная в национально-культурном плане искусственная система, пусть даже и созданная на основе достаточно объемного эмпирического материала, научной рефлексии и убедительных теоретических выкладок. Поэтому мы также не поддерживаем позицию тех ученых, которые отвергают авторитет норм носителей языка в пользу нового кода *International English* [Cook 1999: 185–209; Jenkins 2000; McKay 2003: 1–22].

5. Английский, как и любой естественный язык, не содержит функциональных ограничений и имплицитно способен обеспечить любые коммуникативные потребности индивида: общение между носителями языка в ситуациях ежедневно-бытового дискурса, общение между носителем и носителем английского языка, знакомство с аутентичными источниками: англоязычная литература, поэзия, публицистика, информация в средствах массовой информации. Системно-структурные характеристики английского языка как любого естественного человеческого языка позволяют индивиду осуществлять поступательное движение к совершенствованию своей коммуникативной и лингвистической компетенции сообразно его возрастающим и меняющимся потребностям в комплиментарном средстве коммуникации, тогда как искусственная система *International English*, напротив, не способна предоставить такую возможность в силу своей рафинированности, упрощенности, нейтрализованности в национально-культурном плане.

Перспективу дальнейшего лингвистического поиска в русле определения общего коммуникативно-когнитивного кода мы видим в следующем: определить причины высокого уровня взаимопонятного общения средствами английского языка у носителей языка. Для этого следует ответить на те же вопросы, которые ставят сторонники выработки искусственного кода *International English*: какие грамматические конструкции и лексические единицы выбираются с наибольшей частотностью? Какие факторы обеспечивают наиболее непроблемное общение? Какие факторы, наоборот, приводят к непониманию и коммуникативным сбоям? Пропорциональна ли степень владения английским языком успешности общения? Существуют ли грамматические конструкции, лексические единицы и фонетические явления в речи носителей языка, являющиеся нарушениями с точки зрения норм этнического английского языка, но регулярно употребляющиеся в общении между носителями языка?

Можно лишь прогнозировать возможные тенденции развития английского языка и характеристики языкового ландшафта мира XXI в.: признание языкового многообразия как нормы глобализованного мира, или культурно-языковая унификация, или культурное и национальное отчуждение стран, не вписавшихся по тем или иным причинам в логику глобализующегося мира. Трудно сказать, что образуется в результате взаимодействия «королевского», «американского», «глобального» и других разновидностей английского языка, но, несомненно, рождает-

ся что-то новое [Грани... 2003: 75]. Полярность суждений относительно положения и статуса английского языка в контексте современных процессов глобализации и интеграции отражает сложность проблемы, с одной стороны, и неготовность мирового сообщества дать однозначный ответ на поставленный вопрос – с другой. Вопрос, станет ли мир лучше или хуже, «мир без границ, в котором все будут знать все обо всех остальных», «мир без связей с историей, языком, культурой и родством» [Мухарьямова 2003: 83], остается открытым. Цивилизации предстоит отыскать золотую середину, которая разумным образом уравновесит две противоположные тенденции современного мира. С одной стороны, время диктует необходимость во взаимопонимании, в облегчении и расширении контактов на межнациональном уровне в едином концептуальном пространстве, в снятии всякого рода преград и сдержек в межкультурной коммуникации. С другой стороны, существует реальная угроза этнической, этнокультурной, этноязыковой, конфессиональной идентичности и самобытности народов. Сейчас идут дискуссии по вопросам социальной управляемости языка, возможности оптимизации международного общения и прогнозирования векторной направленности мирового лингвистического процесса. Ученые едины лишь в одном: в будущем статус английского языка будет претерпевать изменения, динамично и в какой-то степени непредсказуемо реагируя на коммуникативно-деятельностные потребности мирового сообщества.

Литература

Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина Бизнес Букс, 2003. (Facets of globalizations. Difficult issues of modern development. Moscow: Alpina Business Books, 2003).

Кристал Д. Английский язык как глобальный. М. : Весь мир, 2001. (Crystal D. English as a global language. Moscow: Ves' mir, 2001).

Мухарьямова Л. М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2003. (Mukharyamova L. M. Language relations: political analysis. Kazan: Kazan University, 2003).

Сардар З., Дэвис М. В. Почему люди ненавидят Америку? М. : Проспект, 2003. (Sardar Z., Davis M. W. Why do people hate America? Moscow: Prospectus, 2003).

Cook V. Going Beyond the Native Speaker in Language Teaching // TESOL Quarterly. 1999. Vol. 33. No. 2. Pp. 185–209.

Coulmas F. A Festschrift for Native Speaker. The Hague : Mouton, 1981.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.

Firth A. The Discursive Accomplishment of Normality. On Lingua Franca English and Conversation Analysis // Journal of Pragmatics. 1996. No. 26. Pp. 237–259.

Fishman J. A. Sociology of English as an Additional Language // The Other Tongue / ed. by B. Kachru. Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1992.

Gnutzmann C. Lingua Franca / M. Byram // The Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning. London : Routledge, 2000. Pp. 356–359.

Greenbaum S., Nelson G. The International Corpus of English (ICE) Project // World

Englishes. 1996. Vol. 15. No. 1. Pp. 3–15.

House J. Pragmatic Competence in Lingua Franca English / K. Knapp, C. Meierkord // *Lingua Franca Communication*. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2002. Pp. 245–267.

James A. R. English as a European Lingua Franca. Current Realities and Existing Dichotomies // *English in Europe: The Acquisition of a Third Language*. Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2000. Pp. 22–38.

Jenkins J. *The Phonology of English as an International Language*. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Lazaretnaya O. English as a Lingua Franca in Russia: A Sociolinguistic Profile of Three Generations of Russian Users / Ph.D. in Linguistics, English Linguistics. U Lisboa, 2013.

Leontovich O. American English as a Medium of Intercultural Communication // *World Englishes*. 2005. No. 24 (4). Pp. 523–532.

Mauranen A. The Corpus of English as a Lingua Franca in International Settings // *TESOL Quarterly*. 2003. No. 37. Pp. 513–527.

McKay S. L. Toward an Appropriate EIL Pedagogy: Re-examining Common EIL Assumptions // *International Journal of Applied Linguistics*. 2003. No. 13(1). Pp. 1–22.

Meierkord C. *Englisch als Medium der Interkulturellen Kommunikation. Untersuchungen zum non-native-/non-native speaker Diskurs*. Frankfurt/Main : Lang, 1996.

Nerrière J.-P., Dufresne P., Bourgon J. *Decouvrez le globish: L'anglais allé en 26 étapes*. Paris : Eyrolles, 2005.

Nunn K. Competence and Teaching English as an International Language // *Asian EFL Journal*. 2005. No. 7(3). Pp. 61–74.

Proshina Z. English as a Lingua Franca in Russia // *Intercultural Communication Studies*. 2008. Vol. XVII (4). Pp. 125–140.

Seidlhofer B. Research Perspectives on Teaching English as a Lingua Franca // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2004. No. 24. Pp. 209–239.

Strevens P. Standards and the Standard Language // *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Ed. by K. Bolton, B. B. Kachru. Vol. 3. London; New York : Routledge, 2006. Pp. 457–461.

Quirk R. International Communication and the Concept of Nuclear English // *English for International Communication* / Ed. by C. Brumfit. Oxford : Pergamon, etc., 1982. Pp. 15–28.

Ter-Minasova S. Traditions and Innovations: English Language Teaching in Russia // *World Englishes*. 2005. Vol. 24. No. 4. Pp. 445–454.

Ustinova I. P. English in Russia // *World Englishes*. 2005. Vol. 24. No. 2. Pp. 239–251.

Ustinova I. Multiple Identities of English in Russia // *The International Journal of Diversity*. 2011. No. 10(6). Pp. 67–77.